

президентский мораторий на смертную казнь, но одновременно максимально тянуть с ратификацией протокола № 6 Европейской Конвенции, не следуя слепо его предписаниям там, где к этому не готово общество.

Удастся ли России совместить эти позиции — вопрос не к Госдуме, а к нашим дипломатам и политикам в Совете Европы. Членство в этой организации должно давать России опору в решении собственных проблем, но не становиться фетишем, самоцелью, как это вольно или невольно происходит сейчас.

Д. Ольшанский

ПРОЩАЮТ ВИНОВНЫХ

Самое трогательное место в знаменитом набоковском «Даре» — это когда полицейский офицер сообщает седому, плачущему Чернышевскому: «Государь вас прощает». Российская империя XIX века была государством сильным и в высшей степени благородным. Смертная казнь существовала, однако в реальности ею карались лишь субъекты чрезвычайно безнравственные, чья виновность никем не ставилась под сомнение... Парадокс, однако, в том, что лиц, осужденных на смертную казнь, было значительно больше, чем действительно казненных, — преступников на полпути к эшафоту миловали, и в том была забытая ныне русская политическая и нравственная мудрость.

Применение смертной казни к убийцам необходимо русскому обществу — ибо только ужесточение предельно либерального ныне российского правосудия может хоть как-то повлиять на психологию подзаборных монстров, убивающих из-за копейки (а именно такие составляют большую часть опаснейших криминальных злодеев). Только смертная казнь может отложиться в их затуманенном сознании и поселить в нем неуверенность — может, не стоит? Исторический пре-

цедент, кстати, был — такими, довольно суровыми мерами была и в самом деле искоренена чудовищная бытовая преступность в послевоенном Советском Союзе. Однако главный смысл смертной казни в другом. Ее главнейшее предназначение — служить символом крайней виновности человека, символом, без которого не обойтись, потому что никакое пожизненное заключение не может и никогда не будет выражать на символическом уровне действительного осуждения того или иного злодейства. Безнравственно рассуждать о символике, когда будут казнены живые люди — скажут мне. Однако именно тут и должна быть задействована старая русская практика помилований.

Милосердие ни в коем случае не должно быть оформлено как официальный закон — в этом состоит моя главная претензия к мораторию на смертную казнь. Гуманизм, заявленный как основной государственный метод, приводит к чудовищным результатам и тоталитарному обществу, и этим кончают все без исключения левые режимы. Когда вы не можете законным образом казнить злодея, вы будете лицемерно убивать его из-за угла, а потом та спецслужба, которой вы ханжески поручаете эти задания, выходит из-под контроля и доводит до краха вашу прогрессивную страну — вот вкратце сценарий исторического развития тех держав, что пробуют обойтись без смертной казни. Нет, казнить надо, но надо и миловать — ибо без грозящей казни милость теряет всякий нравственный смысл. Милосердие Господа существует для нас лишь до той поры, пока мы испытываем Страх Божий.

В этом смысле сегодняшнему нашему обществу можно смело поучиться у старой, дореволюционной России. Величие и своеобразие русской общественности и политической жизни, в противовес Западу, всегда заключалось в отделенности, особенности церковного и личного милосердия от государственной практики: церковь даже в самые тяжелые, синодские времена пусть и была задавлена властью, но никогда не подменяла собой светское правосудие, как то принято было у папистов, и поэтому возможность простить, помиловать всегда отделялась от судебного приговора. Собственно, и царь всегда подчеркивал свое, несколько надмирное

положение, позволявшее ему смягчить мирские приговоры. Однако не стоит забывать, что приговоры те исходили из юридической справедливости, что никак не может быть измерено сугубо индивидуальным, по определению, нравственным законом.

На Западе — все иначе. Там выборное государство, суд — твои лучшие друзья, и они учат человека, и именно они в странах западного христианства берут на себя функцию любви и многотерпения, что и приводит к чудовищным результатам. Человека из-под палки, по инструкции заставляют прощать, любить, улыбаться, как следствие — он превращается в либерального робота, доброго до тех пор, пока не случается перегрев и короткое замыкание, какое наступило у Тимоти Маквея или у того юноши, что протаранил небоскреб во Флориде.

Мораторий на смертную казнь должен быть отменен, потому что именно тогда у русского человека появится возможность простить и пожалеть — не по решению суда, а по собственному нравственному почину. Возражения же Валерия Панюшкина на болезненное и очень верное письмо несчастного отца Президенту смотрятся, на мой взгляд, крайне неубедительно. «Что, если один из них не убивал, а бегал вокруг, хватал за рукав и кричал «Не убивайте!» Ведь он же не убийца» — так возражает Панюшкин. Однако описанная им сцена, особенно с церемониальным хватанием за рукав, напоминает скорее рассказы Хармса, нежели скорбную реальность.

Никто, конечно, не бежит и не кричит. Убивают в полном согласии, совсем, как у того же Хармса: «Давай-ка, брат, мы тебя удавим. Господи, благослови». К тому же главный панюшкинский аргумент относительно возможности судебной ошибки приходится крайне не ко двору в России. Дело в том, что русский убийца не просто много и охотно оставляет следы, он, как правило, вообще валяется пьяным в 10 метрах от места собственного преступления. Никто ничего не боится. Пырнули ножом — и пошли пить дальше. В нашей стране сейчас нужно опасаться не того, что следователь не сумеет раскрыть дело (все эти уголовные дела раскрыва-

ются за 5 минут), а того, что довести правосудие до конца не удастся — убийцу просто «отмажут». Прав Добренчиков и в том, что русское государство сейчас переживает период неслыханного бессилия, растерянности перед лицом самого тривиального и оттого разошедшегося до полной безнаказанности зла. Безнаказанность эта связана прежде всего с тем подсознательным и гибельным трепетом, который даже самое толстомордое русское чиновничество испытывает перед лицом левой европейской правозащиты. «Ну, раз там, в Страсбурге, сказали, то куда уж нам, свиньям, перед ними». Потому у профессорского письма шанса на то, чтоб быть услышанным, практически нет — Путин сейчас являет собой куда больший образец прогрессивного европеизма, чем многие его критики и противники.

У России в том, что касается борьбы с преступностью, есть два пути. Один — западный, тотального лицемерия и ханжества. С преступностью можно не бороться, ее можно локализовать. Запереть подонков в особых районах, пустить миллионы на социальные пособия и делать вид, что все происходящее в «неправильных» местах как большого города, так и большого мира, вообще не имеет места быть. Мы, гуманисты, этого не видим, а чего мы не видим, того и вовсе нет. Ведь на Западе смерти не существует точно так же, как в СССР — секса.

Другой путь — христианской честности. Да, смерть и зло существуют, и мы не можем позволить себе закрыть на них глаза и внедрять обязательный гражданский гуманизм до первой капли реально пролитой крови. Да, Алеша Карамазов у Достоевского требует смерти помещику, затравившему мальчика собаками, — но дело в том, что только честно признавшись себе, что мы желаем смерти согрешившему ближнему своему, мы можем затем найти в себе силы простить его. Именно простить, а не машинально выписать циркуляр о его пожизненном заключении.